

залось бы, традиционные мотивы становятся совершенно оригинальными.

Стихотворение «К лире» кажется сначала просто руссифицированным переложением 1-й оды анакреонтеи: лира не может петь о героях и поет о любви. Но сам Державин в «Объяснениях» заявлял, что эта ода написана «в похвалу» Суворову и Румянцеву:

Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
(255)

Поэт отказывается от «звучных строев» не потому, что его лира не способна к торжественной похвале («гром от лиры раздавался, и со струн огонь летел»), а потому, что герой, которого он хочет воспеть, — в царской опале. Поневоле отрекаясь от «звучных строев», т. е. от похвалы кому-либо другому, кроме Румянцева и Суворова, поэт остается независим, верен себе. Вся эта ситуация автобиографична, неповторимо индивидуальна и не имеет параллели в анакреонтее.

Вместе с тем переход от «звучных строев» торжественной оды к простоте, «шуткам» означал сближение поэзии с жизнью. Учась у Анакреона оригинальности, Державин с поразительной смелостью раскрыл интимную, бытовую сторону своей жизни.

Мотив предпочтения чинам, богатству покоя, любви, свободы контретизировался в совершенно самостоятельную тему — личной жизни Державина, показанной путем противопоставления ее жизни Анакреона. В стихотворении «Венец бессмертия» очень выразительно такое противопоставление «южного светлого небосклона», пальмовых теней, рощ, гротов русскому морозу и камельку. В стихотворении «Тишина» поэт изображает свой дом, имение Званку:

Я пою, — Пинд стала Званка,
Совоспещут музы мне.
Возгремела балалайка,
И я славен в тишине.
(285)

Свои песни Державин посвятил не только красавицам, но и супруге Дашеньке:

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищю,
И больше возвышаться
Никак я не хочу.
Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!
(264)